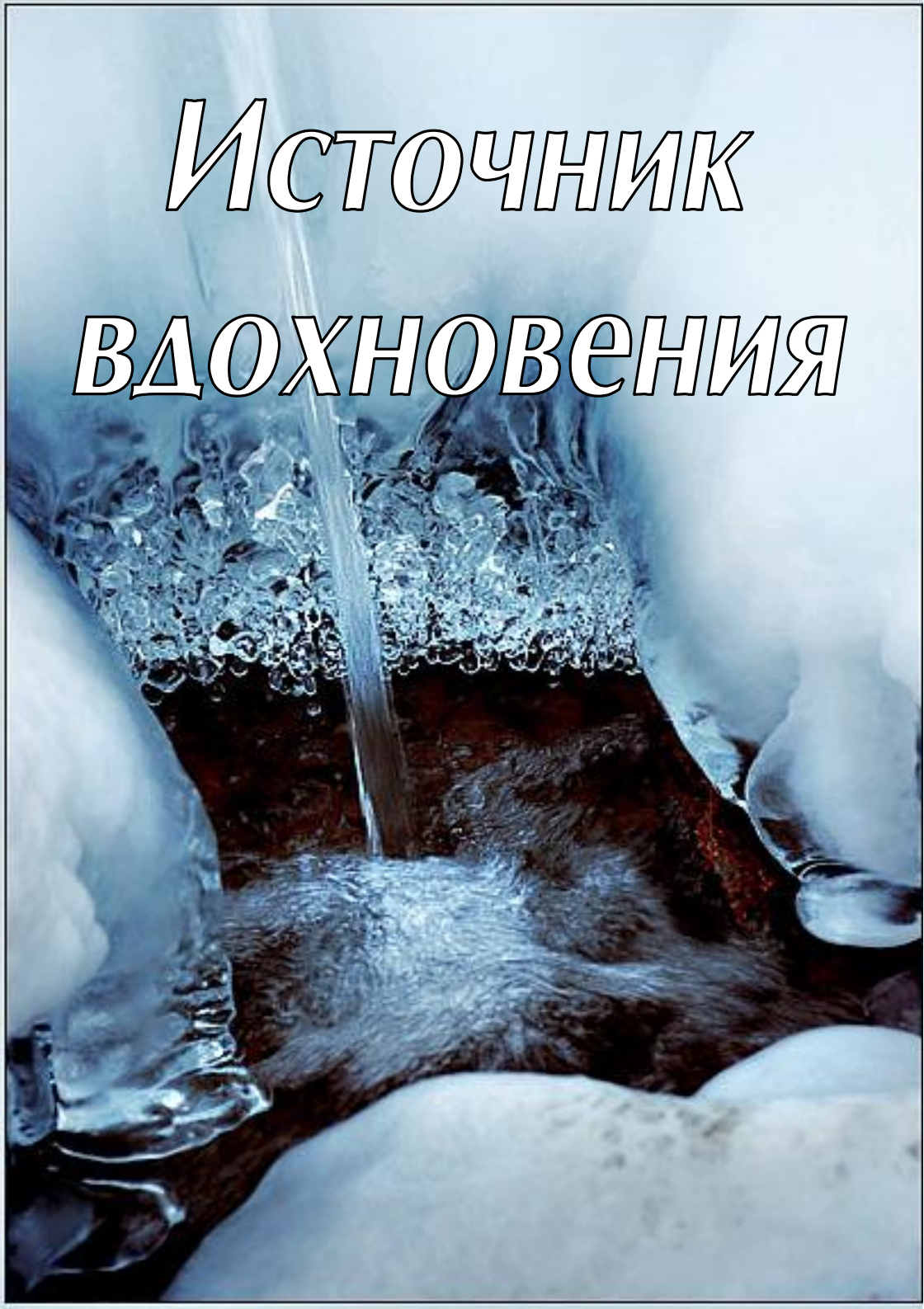

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

МБУК МЦБС
УВЕЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

***Сборник стихов и
рассказов участников
Кичигинского
литературного
клуба «Родник»
имени Н. Шмакова***

п. Увельский

Источник вдохновения : сборник стихов и рассказов участников Кичигинского литературного клуба «Родник» им. Н. Шмакова / МБУК МЦБС Увельского муниципального района ; [сост. Г. Ю. Сероштанова, И. Ю. Вихляева]. - Увельский , 2014 - 80 стр.

Отпечатано в Центральной библиотеке МБУК МЦБС Увельского муниципального района

Наш адрес: 457000, Челябинская область, п. Увельский, ул. Привокзальная, 4 Тел.: 8 (35166) 3-11-04, 8 (35166) 2-01-78

Сайт: www.cbs-uvelka.ru

Электронная почта: uvelka-cbs@mail.ru

Предисловие

Наш творческий клуб называется «Родник» не случайно. В середине села из-под земли бьёт чистый источник. Веками он дарит так необходимую людям для жизни воду из глубины земли. Наш первый кичигинский поэт Николай Васильевич Шмаков прославил этот родник в нескольких стихотворениях.

Кичигино

В согре ивы с тополями,
В центре – площадь с пятачок,
Или попросту поляна,
А в овраге – родничок.

Здесь дома по косогору
К водоёму с двух сторон,
Лес берёзовый, два бора
И Тушкана горный склон.

На пригорке, весь в тропинках,
Старых сосен островок –
Детский парк, а по старинке
Просто Баринов садок.

Стоит ненадолго даже
Разлучиться с домом мне,
Эти милые пейзажи,
Как живые, в каждом сне.

Пусть наша простая поэзия, родившаяся в народных глубинах, пробьётся к нашим читателям и сквозь годы свежим глотком чистоты и искренности.

Любовь Морозова,
руководитель литературного клуба «Родник».

ЛЮБОВЬ МОРОЗОВА

О себе

Люблю осень...

Говорю то, что думаю, а думаю так, как говорю. Бывает, за это и получаю.

Остальное в стихах

Да, я на исповедь иду:
Мне дали слово.
Перешагнула страшную черту,
Сильна и сердцем, и умом.
И я готова испытать сполна...
Раскаиваться не в чем:
Жила, как думала,
Грешна по-человечьи.
Мои дела вреда не приносили,
Поступки рассудили годы.
И радуюсь, что есть я у земли,
И мысли мои полностью свободны.

Ах, осень, ты моя подруга,
Поговори со мною до рассвета.
Дождями напои, пред зимней вьюгой
Согрей теплом, украденным у лета.

Ах, осень, ты как неизбежность...
Помедли перед дальнею дорогой.
Оставь мне поцелуя нежность.
«А боль потери?...» «Но, - немного.»

Ах, осень! Краски разметала,
Кружила листьев хороводы.
И мудрая природа нас спасала:
Калины горечь заливала мёдом.

Вербное воскресенье

Теплу весеннему поверив,
Пушистенькие почки вербы
Навстречу солнцу распустились,
Прохладным дождиком умылись,
Лучами небо воссияло,
Ничто беды не предвещало.
Толпой пока ещё любим,
Входил Иисус в Иерусалим.

Церковь Покрова на Нерли

Вы видели такое чудо?!
На Нерли церковь Покрова –
Как будто всплыли ниоткуда
На белом храме кружева.
Хоть вместо Нерли просто лужа,
И русло заросло травой.
Но храм от этого не хуже,
Сияет силой неземной.
Над куполом струится свет,
И к небесам его дорога.
У наших дедов был секрет –
Благословение от бога.

Я сердце своё не могу успокоить.
Уговоры, угрозы - ничто не берёт.
Как защемит его, как оно вдруг заноеет,
Всё куда-то манит и куда-то зовёт.
Я уж думала, осень ко мне постучалась.
И пора по домам, и пора на покой.
А у сердца весна до краёв расплескалась.
Уж давненько не знала весны я такой.
И куда мне теперь с тем безудержным сердцем?
Иль казнить мне его? Или милость явить?
Приоткрыть хоть чуть-чуть ту запретную дверцу.
И все окна души свежим ветром облить.

Помедли, время, я прошу.
Я ничего не пропущу.
Запомню каждую минуту,
Я все обиды всем прощу.
Пускай на самом на краю
Руки одно прикосновение
Остановить могло б мгновенье
И душу вылечить мою.
И там за гранью бытия
Я облететь могла б планету,
Чтоб бросить медную монету,
Куда хочу вернуться я.

Сыграйте дерзкие мечты
 На струнах вечного обмана.
 Ведь всё равно разлюбишь ты
 Когда-то, поздно или рано.
 Давайте лучше никогда
 Не верить клятвам изначально,
 Чтоб, посмотрев через года,
 Душе так не было печально.
 Что впереди? Нам не дано.
 Мы смотрим только в то, что было.
 В давно закрытое окно.
 Ты не сама ль его закрыла?

Весенний снегопад

В звенящей тишине весеннего рассвета
 Мечты несбывшейся остался след.
 Зима прощальный шлёт привет
 И тает, солнышком согрета.
 Слова сложились в ряд,
 Подобраны красиво, нежно,
 Во след метели снежной
 Они мелодией летят.
 Стихи мои как будто не мои,
 В них и надежда, и спасенье.
 Капелью выплавав весенней,
 Запрячет грусть глаза свои.

Разговариваем с внучкой,
Говорим и говорим.
Песню новую разучим
И раз десять повторим.
Внучка задаёт вопросы.
И попробуй не ответить!
Ох, и трудно нынче взрослым –
Любознательные дети.
Почему мурлычет кошка?
Как устроен телефон?
Ведь сегодня, точно мама
Говорил с Ариной он.
Человечек в мир приходит
И не знает ничего.
Как вокруг всё происходит? -
Интересно для него.

Колобок

Ну-ка, внучка, помоги
Испечь бабуле пироги.
И ватрушки, и пампушки,
И извилистые плюшки.
Получилось всё красиво.
Ешьте, ешьте – будет сила!
Внучка очень помогала,
Колобок сама скатала.
Вот испёкся колобок.
У него румяный бок!
Он от нас не убегает,
А во рту приятно тает.

Новый год. Я и внука.
Нам совсем не скучно вдвоём.
Обняла меня маленькой ручкой -
Наполнился радостью дом.
В этой крошке всё мирозданье,
Свет далёких планет в глазах,
И приходит вдруг осознание,
Что качаю мир на руках

Первый снег

Для Арины снег как чудо:
Каша манная повсюду.
«Столько каши я не съем:
И холодная она,
И невкусная совсем.»

Аппетит

С дедом мы пошли гулять,
Аппетита нагонять:
Так нам бабушка велела.
Тут же мы взялись за дело:
Я по улице гуляла
И в песочнице играла,
Всю округу обежала -
Аппетита не встречала.
Нет, его я не боюсь,
Почему-то лишь смеюсь.
Думаю, какой он? Маюсь.
...Просто я его стесняюсь.
Я пришла домой, сказала:
«Аппетита не видала!»
А обедать с дедом села,
Всё, что было, быстро съела.

Рождество

Нет, не дано нам осознать
 всё таинство Христа рожденья,
 Весь путь от муки до спасенья
 Нам всем придётся испытать.
 И каждый раз звезды сиянье
 Нам возвещает этот миг,
 И в души свет её проник,
 Принёс с собою созиданье,
 И смыслом озарился путь,
 И Веру, и Надежду встретим,
 Любовью на любовь ответим,
 Рождения познаем суть.
 В младенце каждом Божество
 Сияет радугую света.
 И нам хранить сиянье это,
 Иисуса славить Рождество!

Рождество

Свет далёкой звезды струился.
 Далеко было видно свечение.
 Иисус в Вифлиеме родился
 Всем народам Земли во спасенье.
 Морозным заснеженным утром
 Рождество отмечают в России.
 Замирает природа, как будто
 Ждёт блаженно прихода Мессии.
 Он простым человеком рождаясь,
 Душам всем несёт воскресенье.
 Будет с нами и свет, и радость.
 Да восславим Иисуса рожденье.
 И зальются звонами звонницы,
 Возвещая Миру об этом.
 Не на миг не остановится
 Жизнь, рождённая Божьим светом.

Пасха

Там в Гефсиманье ночью тёмной
Молил Иисус отца - спасти,
И тяжесть ноши неподъёмной
Просил он мимо пронести.

«Ты не оставь меня. Помилуй,
Ведь род людской за мной пойдёт,
И каждый смертный пред могилой
К той горькой чаше припадёт».

Но Бог не внял его мольбам.
Приговорён Иисус к кресту.
И только вера и смирение
Воскреснуть помогли Христу.

Прикованы к земле греховой
Не верим в действие чудес,
А нас из пропасти бездонной
Спасают волею Небес.

Подлодка «Курск»

Сто метров с лишним под водой.
 «Спасите наши души!»
 Наедине мы все с бедой,
 Но далеко до суши.
 И каждый день кричит эфир,
 И стынет в венах кровь.
 Ещё хоть раз взглянуть на мир,
 На лучший из миров.
 Стучатся души под бронёй,
 Никак им не пробиться.
 Такое в самом страшном сне
 Нам не могло присниться.
 Кто в этот «саркофаг» войдёт?
 Какие нужно нервы!
 Расскажет что, когда всплывёт?
 И что увидит – первый?
 Волна беснуется, шумит,
 Всё злится бесконечно.
 ...Один лишь люк для нас открыт.
 И нас уносит в Вечность...

ТАМАРА СИМОВСКИХ

О себе

Я люблю всех и всё, и это придаёт мне жизненные и творческие силы.

А лучше обо мне скажут мои недруги, думаю, им со стороны виднее.

И ещё этот стих:

А я люблю, когда в лицо стихия:
То яркий луч, то белая пурга.
Тогда пою, пою, пишу стихи я
И к цели добираюсь наугад.
А если в спину - крылья вырастают!
Едва земли касаясь, полечу.
Я словно птица, избегаю стаю,
От счастья что-то в небо прокричу.
И думается легче и поётся.
Навеет ветер музыку во мне.
И всё же ничего нет лучше солнца
И неба в неуёмной синеве!

День Победы

Не позабыты, не позабыты...
Сколько осталось еще на Руси
Тех, чьи сердца равнодушьем пробиты,
А не осколками!?

Их расспроси.

Где было страшно: тогда ли, сейчас ли?
Руки трясутся, слезятся глаза.
Чтобы познали мы мирное счастье,
Смотрят печально на нас образа.
Празднуй, страна!
Победителям Слава!
В помыслах чистых поклон наш прими,
Детям и внукам Россию оставив,
Павшие, встаньте во имя Любви.

Щит

Уральцам - танкоградцам

Пройдут века, но будут помнить,
Святыню защищая от напасти:
Что сколько б ни смердили войны,
Но аленький цветок, упрятан в чаще.
Его не взять не врагу, не блуду.
Путь труден до него, суровы ели,
И вороны, взлетев, не долетели,
Всё потому, что щит уральский в людях.

Николаю Басову

«Лунный свет» дорожку проложил в тайны Бытия...

Он - исповедь души. И в поиске творенья,
В прищуре глаз - хитриночки и тайна.
И жемчугом блещут в стихотвореньях
То травы росные, то волны океана.

И боль за всех... И нежность необъятная...
В раздумьях: на вопрос - ответом.
Душа, как солнце, от волнения - пятнами
И стала гражданином и поэтом.

Всё потому, что верен лишь любви.
А честь и совесть - суть души и тела.
Таких немного, что ни говори,
Чтобы слова не расходились с делом!

Коль ветеран по-прежнему в строю,
Его перо заточено на правду.
О, господи, я песнь ему пою
И той, что рядом, что дана в награду.

На крыльях рифмы

Всё чаще слышу: «Скучно у поэтов,
Жизнь где-то плещет, но без них при этом.
Играет музыка, народ горячий...»
Поэт свои раздумья в строчки прячет.
Он тоже бы не прочь плясать и петь,
Он тоже хочет многое успеть,
Но вот такая миссия его:
Он радость отдает на естество.
В молчании, при полной тишине
И сам с собой при «кругленькой» луне
Всё что-то шепчет, пишет, говорит.
Ему не скучно, весь в стихах горит.
А будет ли услышан, уж неважно.
Плывет кораблик по воде бумажный:
Ребенок рад и старый удивлен.
На крыльях рифмы уплывает он.
Но хочется кому-то быть поэтом
Душою петь и плакать - без ответа!

От суеты и от тревог,
И твоя нежная рука
Разгонит в сердце облака.
Сентябрь! Моя мечта, любовь,
Ты снова молод, снова нов.
Уж сколько было сентябрей
Мой золотой. Мы - в серебре.

Вязы, сосны и берёзы,
Горна речка холодна.
Родничок виляет борзо,
В нём целебная вода.
А травинки наклонились,
Что-то шепчут роднику
Он в ответ: «Ну, что, влюбились?
А я дальше побегу.
Ждет река меня большая
Напою весь белый свет.
Воду каждый обожает:
Без неё ведь жизни нет.»

Огоньком в бору брусника,
Желтый папоротник сник.
Горка каменная пикой,
А под нею боровик.

Тихо, птицы приумолкли,
Лес загадочно красив,
То полянка, то пригорки,
То сплошной лесной массив.

В затаившийся посёлок
С гор сбегает родники.
По тропинкам, между ёлок,
Бродят тихо грибники.

Под горой, крутой горушкой
Строим мы себе избушку,
Краше терема резного.
Вьётся родничок вдоль дома.
Ясень - гордый великан,
Словно витязь охраняет
Солнце в небе, облака.
И трава росу роняет.
Где-то иволга в кустах
Розовеет, душу греет,
И сосновой смолкой веет.
Заповедные места!

Прикоснуться к тайне
Прикоснуться к тайне горного ручья,
Словно очутиться в пламени огня.
Где же тот источник? Как к нему прийти?
Надо, несомненно, быть всегда в пути.
Он пока спускается, солнцем напивается,
С птицей повстречается, жажду утолит.
Каждую травиночку, словно жизни ниточку,
Он разбавит соками матушки-земли.
И незамерзаемый, и непотопляемый,
Богом направляемый в дальние края,
Нежностью и чуткостью учит жизни, мудрости,
Но никак познать её, не сумею я.

Я не в одиночестве,
С именем и отчеством,
Бегаю по тропочкам, словно по судьбе.
На дорогу главную, тихую и славную,
Очень трудно выбраться мне или тебе.
Прикоснуться к тайне горного ручья
Может быть,
 когда-нибудь
 и сумею я.

Летайте люди, дерзайте смело,
Дышите радостью Отца.
И мысль уж к Богу полетела,
И засияли небеса.
Пронзая тучи -
сердцем ввысь!
Шагай по зелени блаженно
И легкости у птиц учись.
Улыбка - счастья отражение.
И серый волк, что под горой,
Совсем напрасно зубы точит.
В себе же таинства открой,
Кричи от счастья, что есть мочи!

Молитва

Господи, дай мне силы и терпенья
Преодолеть тернистые пути.
Не измени, они мои, пошли спасенье.
Грехи мои прошедшие прости.
Качает ветер листья на берёзе,
Они со мной о чем-то говорят.
Лишь слёзы радости, мечты и грёзы,
Да мысли, совершенствуясь, горят.
Моих детей веди на перепутье
И помоги свершиться чудесам.
Познаю истину и суть я,
Твою любовь, как искорку, неся.

АНТОНИНА СУИМА

О себе

Люблю и помню все места, в которых доводилось жить. Татарстан - малая родина, которая зовет и манит до сих пор. В Кичигино проживаю уже второй период своей жизни, с 10 летнего возраста и до окончания техникума. В течение учебы - практика в Усть-Каменогорске (Казахстан), дивные, снежные Алтайские горы. Распределение после учёбы забросило на Кавказ в г.Нальчик. Среди великолепия Кавказских гор довелось прожить 18 лет. Правда, из них 2 года - пребывание по месту службы мужа в ГДР. А там свои красоты. Поразительная чистота и порядок. Там родился сын.

И снова Нальчик. И только перестройка и Кавказская война подтолкнули вновь переехать уже с двумя детьми в Кичигино, где прошла большая часть сознательного детства и юность, где всегда жили мои родные, моя большая семья.

Интересы разносторонние. Люблю песню. Умею или не умею петь, но посещаю коллектив народной песни «Уральская рябинушка». Люблю спорт, больше всего лыжный. И в зимнее время лыжи я предпочту любому другому увлечению.

А стихи любила читать, более заинтересовавшие записывала в тетрадь. Сама писала, но не собирала. Могла написать по просьбе поздравление, визитку, да что угодно в рифму. Но настоящими стихами всё это я не считала. Тем более не считала себя поэтом.

И только когда начала работать в школе, обращений стало всё больше и больше. И по совету коллег я начала собирать всё, что нашла и что получалось написать. Пригласили в литературный кружок. Здорово, интересно, но не всегда получается посещать по времени. Но всё ещё впереди,

Сгоряча

Я стою у окна и смотрю, как метель
 С ветром в поле старательно стелют постель,
 Как хозяйство своё укрепляет зима.
 Уж весне б заступить, а она всё сама.
 Зима, видно, забыла, что пора уходить.
 Побыла, да знай честь, и другим дай побыть.
 Но я зиму люблю, с нею наедине
 Очень нравится быть мне. Идя по лыжне,
 С ней я спорю и с нею секретом делюсь,
 И в лесу никого никогда не боюсь:
 Ни метели, ни вьюги, ни мороза, ни Беса...
 Мне - страшнее бывает, когда выйду из леса.
 Так запуганы и не понятны мне жизни следы,
 Где рукою подать от добра до беды.
 Лишь затеплится где-то надежда в груди,
 Как дают мне понять: «Не тебе, подожди»,
 «А сходи-ка туда, не помогут ли там ?...»
 Вновь иду по неведомым сердцу следам.
 Если нужно когда-то кому-то помочь,
 Я иду, невзирая на день или ночь...
 Вот шагаю в пальтишке с чужого плеча,
 О надежде чужой к людям в окна стуча.
 Предлагаю свой выбор людскому суду,
 Я им искренне верю, потому и иду.
 Может, завтра удастся мне снять сапоги,
 Что промокли и давят с чужой же ноги.
 Станет воздух дешевле, которым дышу,
 Или ближе надежда, что в сердце ношу.
 А пока... Я в пальтишке с чужою плеча
 И в чужих сапогах... Это я сгоряча.

Памяти мамы моей

Говорят, что стираются в памяти
Даже близкие сердцу черты...
Ты не верь никому, мамочка,
Потому что ты - это ты.

Из ста тысяч женщин похожих,
Я узнала бы образ твой милый.
Я ищу его в лицах прохожих
Чтоб хоть миг вновь побыть счастливой.

Да, ты дом наполняла счастьем
И была от всего защитой,
От невзгод, неудач, ненастья...
И с душою всегда открытой.

Твои песни казались живыми,
И так задорно частушки звучали...
Они в сердце живут и поныне,
Но теперь в них больше печали.

Ты всегда была доброй с нами,
И утешить могла нас взглядом.
Было б все по-другому, мама,
Если б ты была просто рядом.

Чем Гамзатов, точней не сказать,
Прочитаешь, и душат слезы:
«Когда умирает мать
Увядают в сердце розы».

ВНУКИ Серёжа

Старший внук у нас Серёжка,
Как заправский мужичок.
Выгоняет на дорожку
Красный свой грузовичок.

Есть ключи и монтировка,
Клещи, гвозди, молоток.
Всё починит очень ловко,
Главное, в короткий срок.

Вот уже машина едет,
Задом пятится к крыльцу.
«Эй, бабуля! Что с обедом?
Я на пасеку. К отцу».

Рейс за рейсом всё в работе:
То давай песок грузить,
То бабуле в огороде
Надо колышки забить.

А ещё полить ей грядки,
Деду чем-нибудь помочь.
«Ты устал... Пора в кроватку...» -
Позвала тихонько ночь.

Анютины глазки

У бабули в огороде всё цветет, как в сказке,
И растут среди цветов Анютины глазки.

Аня в огород придет, в руки леечку возьмет,
Все цветы, что есть на клумбе, она бережно польет.

Смотрит бабушка на Аню с нежностью и лаской,
Всех милей ей, всех желанней Анютины глазки.

Захар

Наш Захар хирургом будет,
Доктор, что ни говори.
До того ребенок любит
Знать и видеть что внутри.

Взял он куклу у сестренки,
Для начала поиграл,
Снял ей чепчик, распашонку,
Ноги, руки оторвал.

Вскрыл затылок, с ним и косы,
Медлить тут никак нельзя.
Быстро, четко, без вопросов
Узнал, как крепятся глаза.

Тут сестренка подскочила,
Неотложку позвала.
Бабуля куклу полечила,
Отложив свои дела.

Сонечка

Родилась у нас малышка,
Сладенькая Софушка.
Ненаглядный мамин Рыжик,
Бабушкино Солнышко.

Счастье папино и деда,
А для брата просто Клад.
С кем бы он повел беседу
Пару месяцев назад.

Прибежит: «Агу-агу,
Сейчас тебе я помогу».
Соску даст, погладит ручку,
Мы спокойны все за внучку.

Птичий разговор

Рано утром на заре,
На хозяйственном дворе,
Как многоголосый хор
Слышен птичий разговор.
Будит всех отец Петух,
Он кричит ку-ка-ре-ку.
Ходит важно взад-вперед,
И к кормушке всех зовет.
Мама курицы «квык-квык»,
Для цыплят родной язык.
Повторить хотят за мамой,
Получается «пик-пик».
А цыплята повзрослее
Поклевали побыстрее.
В дальний край двора ушли

Червяка в земле нашли.
Началась такая свалка,
Прятки, салки, догонялки.
Долго бегали, пока
Не потеряли червяка.
Стали дружно выяснять,
Кто успел червя забрать?
Целый день потом вели
Петушинные бои.
Перья дыбом на затылке
И глядят глаза в глаза...
Вдруг пришел Петух и крикнул:
«Ку-ка-ре-ку! Так нельзя!».
Тут и солнце потускнело,
Отдыхать за гору село.
Принесло всем птицам весть,
Что пора им на насест.

Деревенька моя

Деревенька моя далекая.
Разве можно тебя забыть,
Домик наш на бугре невысокий,
Где имели мы счастье жить.

Там орут петухи по-другому,
По-другому березы шумят.
Там скамейки у каждого дома,
И почти у каждого сад.

А во ржи васильки синеглазые,
И ромашки в лугах вдоль реки.
Там мы в детстве босыми лазали,
Ели трав корешки и вершки.

Воздух чистый и пахнет мятой,
А какой там чудесный лес !
На опушке дубы в два обхвата
Высотой до самых небес.

Деревенька моя, я знаю:
Ты менялась по ходу лет,
Все равно по тебе скучаю,
Ведь роднее родины нет.

Весна

Весна в права свои вступила,
Уж снег зернистей и рыхлей,
И ото льда река чуть берег приоткрыла,
Чтоб в гости заходил ручей.

Нет-нет да вступится в раздоры
Зима: то снегом землю освежит,
То в окна обновит узоры,
Ночным морозцем погрозит.

Ну, а весна, лишь солнце встанет,
Свежа, румяна и сильна,
Она трудиться не устанет
От самой зорьки до темна.

Наряд такой ей не подходит,
Снега ей надо растопить,
Да приласкать земные всходы,
На платье зелень раздобыть.

И уж тогда в шелках зелёных
Легко и гордо выйдет в свет,
Разбудит птиц в дубравах сонных,
Вплетёт в венок свой яблонь цвет.

Осень

Осень золотой листвою выткала узор,
Лёг зеленою каймою в нём сосновый бор,
В темно-красные оттенки зреющих рябин
Серебром вплела умело нити паутин.

А березки вдоль дороги и на бугорках,
Прячут ноги в покрывала в палевых тонах.
Погружается природа в долгий зимний сон,
В небе птиц, летящих к югу, слышен перезвон.

По-осеннему уныло дремлют средь ковра
Речка и луга, пашни и Тушкан-гора,
В вышине лазури, небо словно зонт,
Остальную часть узора прячет горизонт.

Застучит осенний дождик, освежит пейзаж,
И для нас откроет осень чудный вернисаж.

Песня свиристели

Нашумела лютая метель,
Настелила снежные перины.
Маленькая птичка свиристель
Лакомится ягодой рябины.

«Посмотри, ну где ещё найдешь?
Просто красная от ягод ветка,
Клюй скорее, что же ты не ешь?» -
Предложила юркая соседка.

Не до ягод, видно, птичке той,
В весенних днях её кручина.
Солнышко согреет всех весной
И придет любовь! Вот в чем причина.

Обхожу тихонько стороной,
Так забавно и смотреть, и слушать .
Щебет их весёлый и зимой
Сладостно воздействует на уши.

Воспеваёт каждая своё,
Каждой птичке роль свою играть.
Чтоб исследовать их житиё
Даже книг не следует читать.

Всё люблюсь, медленно иду,
Думаю о жизни свиристелок.
Незаметно для себя пою,
День стал удивительно веселым.

Новый 2012 год

Спой мне песню тихонечко вьюга,
Как когда-то мне пела гармонь,
Только ты мне сегодня подруга,
Не гаси в камине огонь.
Спой мне давнюю зимнюю сказку,
Детство снова вспомнилось чтобы ,
Самодельные лыжи, салазки,
Чистый снег и до крыши сугробы.
Новый год, Рождество, подарки,
Долгожданных каникул пора,
Ёлка в бусах и шариках ярких,
И счастливая детвора.
И как искренне верили, ждали,
Ведь для нас было всё всерьёз.
Из-за зимней заснеженной дали
Приходил с мешком Дед Мороз.
Ждали трепетно, с нетерпением

Ну, когда же наступит срок?
И с конфетами, и печеньем
Вручат нам газетный кулёк.
Как неслышно уходит праздник,
Глядь, уж нет и следа у крылечка,
Подхватив его ветер проказник
Унес далеко за речку...

Ночь прошла. Вот он, год наступивший,
Уж такой у природы закон.
Дремлет утром посёлок притихший,
Притаился за бором «Дракон»

В День Рождения

Сегодня, на День рожденья,
Хочу подарить тебе небо,
С его журавлиным пеньем,
Звонящим до первого снега.

С его необъятной высью
Прозрачно-лазурного цвета,
С его чистотой бескорыстной,
Частицей бабьего лета.

Хочу подарить тебе осень,
В чарующем убранстве светлом,
Серебристые ранние росы,
И закаты её, и рассветы.

Ярко рдеющую рябину,
Разодетую в бусы красивые,
Я дарю тебе, мой любимый,
И хочу быть частицей незримой
Этой осени, неба синего.

Я не люблю срывать цветы,
Мне кажется - им больно.
И обижать других, а ты?
Случается? Невольно?

Нет, не невольно, просто зол
Тот человек, что с детства
Общий язык со Злом нашел,
С Добром не знал соседства.

Порой так трудно доказать,
Что не запачкал душу,
Что прав, что не умеешь лгать,
Что клятву не нарушил.

Плохи характера черты,
Что с недоверьем - дружат.
Я не люблю срывать цветы,
Пускай природе служат.

Пусть разбросают семена,
Чтоб возродиться вновь.
Пусть озаряют имена
Надежда, Вера и Любовь.

За тебя, моя Россия,
Защищая рубежи,
Солдаты русские, простые
Отдавали жизнь.

Всем, кто выжил и вернулся,
Тем, кто жизнь свою отдал,
Низко в пояс поклонюсь я,
Век благодарна буду вам.

За мир на солнечной планете,
За счастливый детский смех,
Я все цветы, что есть на свете,
Соберу для вас для всех.

В День Победы к обелиску
Собирается народ,
Вспомнить здесь родных и близких,
Сорок пятый вспомнить год.
Ряд редееет ветеранов,
Те, кто выжил, все придут.
И блистая орденами,
День Победы встретят тут.

Вечер встречи

Спасибо, школа родная,
Спасибо, учителя,
За то, что есть вот такая
Суббота февраля.

Пусть будет метель и вьюга,
Пусть будет наш путь далек,
Поможет нам встретить друг друга
В школьном окне огонёк.

Что манит таинственным светом
И добрым таким теплом,
Что в нашей памяти где-то
Живет, словно отчий дом.

Кочкиной Евдокии Васильевне

Их собрала война в единый строй
Отцов и дедов, мальчишек и девчонок.
Как раз той летней, радостной порой,
Когда цвела Земля, цвели пионы.

И сколько было страха и тревог,
И горьких слез, молений и проклятий,
У исходивших тысячи дорог
Девчат, носивших китель вместо платьев.

Они едва успели повзрослеть,
Едва азы узнали медицины,
Как вдруг приказ, практически на смерть
Идти, осваивать другие дисциплины.

И в многочисленной той армии сестер
Служила Евдокия - дочь Урала,
Красавица с каштановой косой,
Бойцов от смерти, как и все, спасала.

Их поезд-госпиталь на Запад шел, вперед,
Через фронты, бои и под бомбежкой.
Шел через слезы, через кровь и пот,
Спасая жизни тем, в ком теплилась она,
хотя б немножко.

Спасая жизнь другим, она не раз,
На землю падая, молила:
«Не надо, Боже, только не сейчас,
Ведь мы такие молодые...»

Перед глазами, как во сне,
Все детство мигом проплывало...
Очнется вдруг... Вновь на войне,
Вновь кровь, бинты и все сначала.

То поезд шел вперед, то вез бойцов назад...
А Евдокия здравствует и ныне!
Был Киев, Брест, Варшава, был Рейхстаг,
Войну она закончила в Берлине.

Такая же улыбка и глаза,
Лишь разве косы поредили.
Она страдала, и не зря,
И у войны были пределы.

Спасая жизни, путь прошла не близкий
И детям жизнь своим дала.
Еще не раз на праздник к обелиску
Она свои наденет ордена.

В метро

Затихла ночь. Пришел рассвет.
Ничто беды не предвещало.
Пока.. «Пока», - услышав вслед,
Из дома вышли... Не попрощались...

Метро радушно поглощает
Шагнувших во грядущий день.
Кто мирно дремлет, кто зевает,
А впереди «сто тысяч» дел....

Тяжел багаж у девочки с Кавказа,
Она как будто бы в бою..
Несёт среди боеприпасов сразу
Смерть для других и, главное, свою.

Не верю, что совсем не страшно,
Что ей обещано взамен?
Что, позабыв про день вчерашний,
За всех и всё решила в э то т день?

А на чужие жизни кто дал право?
Уйди одна и все дела..
Какой же Бес тебя заставил?
Какая мама родила?

У скольких матерей за миг
Ты отняла детей и близких..
Будь проклят, кто тебя сподвиг

Москва. Метро. Благое утро.
В конце тоннеля мирный свет.
Раздался взрыв... Вмиг - боль. И пусто.
Был свет в конце... Вдруг света нет.

Фон

В пиру, помимо тамады,
Бывает, нужен просто клоун,
Которому не до еды,
Лишь бы стакан всегда был полон.

Тебе твой лучший друг всегда нальет
Подбодрит: «Ну-ка пей до дна!»,
Сам, пригубив, в сторонку отойдет-
Он обладатель трезвого ума.

Потом беседу светскую ведет.
Не исказив стандартного лица,
Он знает, что и как пойдет,
Он этот цирк досмотрит до конца.

Запомнит, где нелепость ты сказал,
Где просто глупо рассмеялся.
Иль, встав из-за стола, упал,
Потом, цепляясь за него, поднялся.

В разгаре праздника тебя уложат спать,
Об этом тамада объявит в микрофон.
Тебе, хмельному, не понять.
Что ты здесь клоун или просто фон.

Твой друг на этом фоне Цицерон,
А то Нобель иль Аристотель.
Попятно всем, кто ты здесь, а кто он,
Он молодец в семье, в пиру и на работе.

Пусть мир не идеален, как хотел
Платон,
В миру бывают и пиры и балы,
Но было б лучше, если бы притом
Текло лишь по усам, а в рот не попадало.

АЛЕКСАНДРА ЦАЦЫНА

О себе

Я со школьных лет любила много читать, просто зачитывалась. И прежде всего научной фантастикой.

Любила писать сочинения на свободные темы.

Сейчас увлекаюсь эзотерикой, которая раскрывает духовную сторону жизни, переосмысливает известную информацию, освобождает её от старых догм. Она даёт возможность усвоить новые знания, передаваемые нам, сегодняшним людям и будущим поколениям, Высшими Учителями человечества. Эзотерика – это духовное прозрение человека, осмысление и осознание общества и мира, постижение смысла жизни и управление процессом своего роста как личности, как части мира. Особенно меня увлекают поиски смысла жизни человека через эзотерику.

В обычной жизни я люблю все проявления красоты, особенно в природе. Восторгаюсь многообразием цветов, домашних и садовых. Любимые садовые - антуриум, гортензия, канны, георгины. Хочу, чтобы всюду были цветы!

Песня

(На музыку Булата Окуджавы)

Тронуты осенью волосы,
Время летит незаметно.
Песню пою я вполголоса,
Сердце стучит моё трепетно.

Снова любовь запоздалая
В сердце стучится тревожно.
Прочь все тревоги с дороги:
В сорок любить ещё можно.

Нужно сомнения оставить,
Чувствами смело гордиться.
Значит, душа молода ещё,
Сердце трепещет, как птица.

Радостно птицею бьётся
Ветер, лаская мне волосы.
Солнце в глаза мне смеётся,
Песню пою я вполголоса.

Прощанье с летом

С душой тревожной провожаю лето,
И с каждым днём прощаюсь навсегда.
А в сердце слёзы затаились где-то,
Что быстро время так идёт, летят года

Ведь только что весна цвела, кипела,
Как будто только что я сына родила.
Как много лет с поры той пролетело!
Как быстро времечко идёт, летят года!

И сединою голова давно уж серебрится,
А сердце ждёт чего-то: душа-то молода.
А юности рассвет всё в памяти струится,
Как жаль, что время так идёт, летят года.

Восьмое марта

И в этот праздничный, чудесный день – 8 Марта
Уж не отступит вешняя капель.
И ласковым, и теплым будет завтра,
Ведь свет весенний светит нам теперь.

Вот отступили вьюги и метели,
И пробудились почки ото сна.
А вьюги все на север улетели,
И победили солнце и весна!

И в этот женский день цветов и счастья
Всем я желаю мира и добра,
Чтоб отступили все ненастья!
Здоровья, радости желаю и тепла!

Вечер

Мой друг, на берегу ты подожди закат.
Уж день почти исчез – не торопись.
Побудь ещё немножко, и ты увидишь чудо из чудес:
Разливы в небе золотых лучей,
А на воде, сверкая переливами, бежит дорожка...
И даже птахи все притихли,
Тихонечко сидят в кустах, день провожая.
Да ты прислушайся к себе!
В душе и сердце загорается закат.
Ах, жизнь! И кто тебя придумал,
В таком неповторимом мире отражая.

Ностальгия

Как тёплая волна и всплеск - движение души,
Так пишутся стихи в ночной тиши.
И образы уносят далеко: и в настоящее, и прошлое.
Идут лавиной...
Из прошлого вернуться нелегко.
Они такие разные, так цепко держат память,
И преподносят всё до мелочей...
Не сосчитать таких ночей.
А ночи те бессонные бередают душу,
И не дают заснуть...
И все становится понятно:
Утраченного не вернуть.

Чиновникам, нарушающим законы и унижающим человеческое достоинство

Людская дурь предела не имеет,
Хотя давно дамоклов меч над ней довлеет.
Осатанели власть сего держители.
И всё им больше подавай, и все им мало.

Преступность, пьянство, наркоту вы породили,
Власть имущие чиновники всех рангов и мастей!
Но наступают времена грядущие –
Не соберёте вы своих костей.

Завоете, проклятые чинуши,
Для вас наступят чёрные деньки.
И вот возьмут вас всех за уши,
Получите под зад хорошие пинки.

Вас уничтожат скоро силы света,
Потоком, льющим с небес.
И вы получите за то, что жили как хотели!
В ребро вам бес...

Хаму

Тебе всё время надо с матом и быть на взводе,
Как необъезженному жеребцу.
В тебе кипит, наверное, вся злость природы.
Вот уж, поистине, всё подлецу к лицу!

Вот вернуть бы время, жить начать сначала,
Все свои ошибки исправлять я стала.
Я б не стала верить ласковым словам,
Разбиралась в людях я бы по глазам.

Не дала б себя я никогда обидеть.
Чем терпеть и презирать, жить и ненавидеть-
Наплевала б на тебя я, грубое убожество!
Растоптала бы ногами, пьяное ничтожество!

Гимн Солнцу

Природа, пробуждаясь ото сна,
С любовью впитывает солнца блики.
И насыщает мир весь праною весна,
Листочек молодой и птицы клики.

Земля-кормилица, наш вечный дом родной,
Частица голубая во Вселенной,
Объята жизненной силою семи лучей,
Цветов рожденья, радуги благословенной.

Жизнь пробуждается весной!

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН

Немного себе

С чего начинается Родина?

Я думаю, что с любви к ней. Вокруг этой любви и организуется вся наша жизнь. Любовь к Родине – это, прежде всего, любовь к родной уральской природе, которая мне милее любой чужеземной. Здесь, на Урале, мне нравится любое время года, любое время суток. Здесь я готов жить даже в землянке, но на родной земле.

Голуби, как частица природы. С шести лет полюбились они. Голуби – это навсегда.

С молодых же лет пристрастился к охоте. Сейчас страсти поутихли, но пока не бросаю и люблю посидеть у костра и послушать охотничьи байки друзей. Не равнодушен к собакам: лайкам всех разновидностей и немецким овчаркам.

В жизни стараюсь держать слово, данное в трезвом уме и твердой памяти, и ненавижу себя, если получается наоборот.

Стараюсь быть хорошим сыном для матери, отцом для детей, другом для друзей.

Не хочу казаться лучше, чем есть на самом деле, для окружающих меня людей

После шума городского
И житейских мелочей
Очутиться б в гуще леса,
Средь непуганых зверей.

Чтобы рано на рассвете
Не от скуки за окном,
А от ласкового ветра
Мне б проснуться в нём.

Чтоб ручей неподалёку
Воды чистые свои
Гнал неслышно под ветлою,
И чтоб пели соловьи.

Чтобы запах терпкий, пряный
Трав нескошенных вздохнуть.
На поляне, будто пьяный,
Распластаться и уснуть.

Церковь в селе Петровка

Церковь христианская снаружи –
А внутри – колхозный склад.
Для иного храм был нужен
Много лет тому назад.

Чуть заметная под сводом
Роспись всех святых.
Взгляд печальный и с укором
Вижу в лицах их.

Те, кто старше, не забыли,
Как в один из дней,
Крепким тросом удавили
Шею белокаменную ей.

«Как ни тужились стальные кони
Затянуть покрепче трос,
Не дал Бог вам надругаться,»-
Говорили старики, не пряча слёз.

Вороны, голуби да галки
Нашли под куполом приют,
От мальчишек или от другой напасти
Вдруг закружат они, запоют.

Не ищу я виноватых:
То, что было, то прошло.
Звон когда же колокольный
Распугает вороньё?

Рукою осень прикоснулась
К зелёному шатру природы.
Природа только улыбнулась:
«Из золота наряды в моде.»

Недолго нежилась природа
Коротким бабьим летом.
На колеснице Ветер-воевода
Промчал со стужей и снегом.

Теперь уж спит подруга,
Укрывшись покрывалом белым.
И только злая вьюга
Сон тревожит смело

И вскоре так случится:
Весна её разбудит,
И вновь шатёр зазеленится,
Так было, так и будет.

Здравствуй, Декабрь,
Мой месяц любимый!
Я родился с тобой
В 61 году.

Я вырос с тех пор,
Да и ты изменился.
С тобой я по жизни
Вместе иду.

Дружище! Ты помнишь?
Любил я мальчишкой
Кино про индейцев
В клубе смотреть

И с Джека Лондона
Интереснейшей книжкой,
Про всё забывая,
До рассвета сидеть.

О том, что любил
Голубей до безумства,
Ты помнишь, конечно,
Не тебе говорить.

Всё, что в детстве
Запало мне в душу,
До последнего дня
Я буду любить!

Обнимает ветер
Стройный белый стан.
Ты ж моя цыганка,
Я же твой цыган.

Зашумел листвою
Зелёный сарафан.
Пляской огневою
Закружи, цыган!

Чтоб мои серёжки,
Серебром звеня,
С «Тройкой» по дорожке,
С песней ямщика.

Бубенцы, бубенчики
Под дугой поют.
Девицу не венчану
Замуж отдают.

Разметались косы,
Вьются на ветру.
Ведь ещё не осень:
Успею, долблю.

Перелески, степи,
Горы и моря...
За минутки эти
Жизнь отдать не зря.

Осень наступает,
Золотом маня.
Где же ты, цыганка?
Где любовь твоя?

Злая выюга лижет
Стройный белый стан,
А мороз накинул
Снежный сарафан.

Из квартиры казённой и тёмной
По весне смотрю на дома,
Образ матери, кроткой и скромной,
Пред глазами встаёт у меня.

Я родился в семье деревенской,
Соломенной крыша у дома была.
Семьёю считались мы бедной,
Но хлеба на всех хватало всегда.

Родители, будто пчёлы трудились,
Заботу и ласку отдавая сполна,
И втайне за нас Богу молились,
Чтоб долгою жизнь и счастливой была.

Детей в семье шестеро было:
Брат Иван - старшее дитя,
Людмила, Татьяна, Галина и Аля,
А между ними родился и я.

В отчем дому дружно мы жили,
Уютно в нём было, тепло.
Стены его наш смех не забыли,
Мамины слёзы помнят окна его.

По тебе, домик наш, я скучаю,
И не мил городской мне уют.
Я во сне твою печь растопляю
И слушаю, как поленья поют.

Твоя крыша давно прохудилась,
Покосились столбы у плетня,
Будто рана на сердце открылась
И в тоске застонала душа.

Я жду не дождусь той минуты,
Когда вновь увижу тебя.
Перекрою, перекрою я крышу
И поправлю столбы у плетня.

К 44 годам

Два стула... Ножки ветки,
Воткнутые в край столба.
Они похожи на две отметки,
Оценившие мои года.

Полным ходом идёт уборка,
В доме пыль до потолка...
Прошедшие года, как та иголка,
В стогу житейском похоронена.

Порядок в доме наведёшь,
Полы помоешь, вытрешь стёкла.
Душа жалеет о былом.
Её отмыть - не то, что окна.

Весомее отметки напишет ли судьба?
Усядутся ль на ветке два алых снегиря?
Иль облетит по осени с берез моих листья
И пятаками медными ляжет на глаза?

Ошибки

Расплескалась по озёрам
Утро в солнечных лучах.
Вот и осень уже скоро,
Будто баба на сносях.

Разродится буйством красок
И раздарит их по свету.
Вот и лес - он весь из сказки,
Этой осенью одетый.

Под ногами листья клёнов,
Вязов, ясеней, берёз.
У затона ива стонет,
Листья выплакав без слёз.

Караваны птиц летящих,
Мне сказать хотят, наверно,
Не вернуть уж дней вчерашних,
Что уж верно, то уж верно.

Забивает день вчерашний
В душу гвозди без оглядки,
Поржавее - для ошибок,
Если с памятью в порядке.

И ошибок тяжкий ворох:
Ветру веять - не развеять...
Дни сгорают, будто порох.
Зёрен новых не посеять.

Я бы отдал всё на свете,
Чтобы их хоть часть исправить!
Не прокляли б только дети,
И родителей бы не ославить.

Дай мне, Боже, сил побольше.
Укрепить чтоб дух свой смог я.
Обещаю! Новой осенью подольше
Я побуду... у лесного изголовья.

Жене

Ветер листья срывает с берез,
Пожелтевшие, может, до срока.
Видно, хочет, чтобы всерьез
Уже золотом покрылась дорога.

Стали птицы кружить надо мною,
Значит, осень и впрямь на подходе.
Нужных слов не сказано той,
Что стояла в слезах на пороге.

Мне б вернуться, сказать ей: «Прости!»
И за плечи обнять на прощанье...
Но холод не подавшей руки
Так будет мне в наказанье

Не одна уже осень прошла.
Потемнела доска у порога.
На щеке моей стынет слеза:
«Ты прости меня, ради бога!»

ЕКАТЕРИНА ИВАНЕНКО

О себе

Если вы не съездили вчера или сегодня в Анталию, в Эмираты, на остров Бали и т. д., то можно, не опуская ног с дивана, перед TV путешествовать по Земному Шару. А если ноги с дивана опустить, то можно гулять по нашим берёзовым рощам, по сосновому бору, любоваться с Тушкана чудными пейзажами.

Я люблю прислушиваться к голосам птиц, различать под ногами травы, узнавать порхающих по ним бабочек, вдыхать томительный запах распалённого на солнце соснового бора.

Приятно побывать на выставках, в музеях и библиотеках Южноуральска да и в нашей Кичигинской школе. Хочется прекрасного - можно сходить к нашим местным художникам, мастерицам поделок, найти знакомых по интересам.

А я люблю придумывать сказки, придумывать картины, читать и слушать чьи-то стихи.

Главное - суметь бы удержать в своей жизни вдохновение, способность слышать прекрасные звуки, видеть волшебные краски.

Не хочу сетовать на то, чего нет.

Хочу найти прелести вот здесь, вот тут, прямо сейчас.

Стол

Господский стол был важен и достоин.
 Он чинно центром кабинета был.
 Решались вокруг него житейские устои,
 А он же лицезреть и все запоминать любил.
 Дымились свечи,
 Ночь отодвигала шторы.
 Сквозь дверь тяжелую
 Звучал веселый бал.
 Хозяин легкой горделивою походкой
 Входил в свой кабинет,
 И с другом преданным
 Шампанского бутылку открывал.
 Сменялись быстро то зима, то лето,
 И гости шумные и на дворе кареты.
 Казалось это будет навсегда,
 Хозяин добрый, дочь и сын, жена ...
 Но вдруг неведомою силой
 Разрушено, поругано все было.
 Исчезли в комнатах цветы и ароматы,
 С развязной руганью матрасы и солдаты
 На дорогом сукне гасили самокрутки,
 Выламывали дверцы, ручки и шкатулки,
 Портреты милых лиц дробили каблуком.
 Но что же может стол?
 - молчать, пыхтеть, стонать.
 Опять схватили под бока
 И тащат волоком, выламывая ноги,
 Куда ж меня? Да это ж кладовая,
 Где нет цветов, где нет окон.
 Меня – господский кабинетный стол,
 Уж лучше бы в конюшню, иль на слом.
 Но стихло все. Темно.
 Вот под стеной заворошились мыши,

Вот влезли в ящички и окропили уголки.
 О! Лучше б застрелиться – но кто его услышит!
 Открылась дверь. Заносят лавку,
 Железную солдатскую кровать.
 Притихшие запуганные люди
 Теперь здесь будут жить и ночевать.
 И на столе ворочаясь и кашляя спит парень,
 Под головою книжки, кое чем накрыт,
 Все видят страшный сон,
 И стонет парень и стонет стол.
 Кружатся вихрями листы календаря,
 Страдания со временем все глуше.
 Но вновь и взрывы и огонь,
 Над городом жестокая блокада.
 Терпеть, надеяться лишь надо
 Тем, кто останется живой.
 И вновь куда-то тащат стол.
 Бока от холода застыли и скрипят.
 Теперь его хотят пустить в огонь.
 Худая женщина, закутанная странно,
 Стучит неловко молотком по дверцам и бокам,
 Но падает тяжелый молоток.
 Она ж без звука отползла к кровати,
 И там застыла, руки уронив.
 И рад бы стол в огонь,
 Но никому не встать с постелей.
 Остыла буржуйка,
 Стекла в окнах льдом оделись,
 Где только ни был он,
 В каких домах и в чьих квартирах.
 Пацан прыщавый царапал на боках,
 Слагая палочки в три буквы.
 А тетка дерзкая
 Плясать любила на столе,
 А после плакала, в вино роняя кудри.

Но вновь его везут куда-то,
 И чистят, и скребут, и моют.
 И в трещины шприцом вгоняют клей,
 И стонет стол как мужичок в парной.
 И запах воска, скипидар и канифоль...
 И вспомнил стол – о чудо!
 Что он когда-то, под сенью облаков,
 В дремотном мареве дубравы царственной
 Вздыхался горделиво,
 И плачет старый стол, и плачет он счастливо.

Веселая галиматья

Дили – дили – дили - день
 Целый день дребедень.
 То в окно стучится ветка,
 То звонит опять соседка.
 Внук зовет меня играть,
 Ну а я хочу читать.
 Не могу я телек слушать,
 Вешают лапшу на уши.
 Не войдет к нам в дом кручина,
 Хоть была б на то причина.
 Лучше чаю я попью.
 И с внучонком попою.
 Мы построим вместе домик,
 Спрячется туда наш гномик.
 А на улице метель
 Завалила всю рябину.
 Раскачалась свиристель,
 Ловит на ветвях калину.
 Ягод красных полон сад
 И не страшен птицам хлад.
 Я им семечек насыплю,
 К веткам сала привяжу,
 И внучонку в час вечерний
 Тихо сказку расскажу.

На колокольне перезвон с утра,
 И солнце, кстати, в небесах сияет.
 Богатые повозки у двора,
 Бояре важные высоких шапок не снимают.
 И стража бодрая вдоль стен стоит,
 И конники окрест дозором рыщут.
 На троне князь в перстнях и яхонтах сидит,
 И на дубу уж дикий соловей не свищет.
 В высоких хоромах боярская знать,
 В широком подворье попроще люди,
 Воротилась с походов отважная рать,
 Слуги несут лебедей на блюде.
 В парчовых нарядах княжна-
 Мечтательница ночек лунных.
 Полна надежд наивных юных,
 Но сердцем все еще одна.
 Шныряет средь гостей богатых шут –
 горбун сопливый,
 Шпионит, как всегда, за маской дурака,
 И упоает на него наш князь счастливый.
 А наша юная княжна,
 Измокнув от нарядов тяжких,
 Трепещет птичкой у позолоченного окна,
 Не отрывая глаз от принцев ясных.
 Не явится ли кстати там,
 Такой же нежный, молодой и пылкий
 И как она, мечтатель.
 И видится ей, как под образами,
 В волшебных музыкальных струях,
 Они соприкоснутся в нежном поцелуе.

Ивашка

А ну скажи, Ивашка,
Премного ли ты в грамотах силен?
Какую можешь различить букашку,
Или определить где явор белый, а где клен?
Ты бегаешь все за деревню к девкам в хоровод.
А слыхивал ли ты, что в городах имеется
водопровод?

По трубам в ванны там течет вода,
И баре важные купаются всегда.
Какая б суета не донимала,
Какая бы мечта не завлекала,
Культуру бытия они блюдут всегда.
Селяне - к чести их сказать,
С испокон веков похвальное придумали:
И бани жаркие топить и веником хлестать,
И в озеро сигать и с хохотом, и с юмором.
Ты ж, братец, отпираешься от бани,
И баишь, что в жару ты лезешь в озеро.
А что ты сделаешь и в слякоть и в дожди?
И после Покрова - когда все воды приморозило.

*И там за гранью бытия
Неясным призрачным виденьем
Тебя ласкала тень моя.*

Ирина Светлова

Что значит сон?
Сколь мир велик и стар
Столь много толкований.
Но не решен тот спор:
Иль это то, что мы скрываем днем,
Иль души улетают в мир иной,
В мир параллельной сути,
Присутствующей скрытой пеленой.
Но что он значит,
Коль видим мы свой дом,
Свое окно и яблоню в цвету,
Иль вдруг парим
И видим под собой зеленый дол.
Иль любим незнакомого нам друга.
И вот в какой-то смутной яви,
Прохладной ночью под луной
Иль я, иль тень моя летела
На нашу встречу, тайный мой.
Едва ли были мы знакомы –
Совсем чужой, совсем родной.
И нежно, трепетно влекомы
Мы бал танцуем под луной.
И мир был наш
Спокойный, нас хранящий.
Мы появились ниоткуда
И расставались в никуда.
Но долго, долго зов манящий
Таился в сердце, как дрожащая струна.

Попала в руки мне картинка.
Как это странно – не же ли я?
Да, точно, это я придумала ее когда – то.
Вот домик пряничный в снегу
И рядом кроткий олененок.
Старинный самовар и ветка розы
В узком горлышке бутылки.
На полке свечка, кофеварка,
Повыше гладиолусов букет.
Там лестница наверх,
И солнцем разогретые перила.
И как окошко в мир другой –
Неяркий синеватый многогранник –
В нем небоскребы, судна на воде и
ветки пальмы.
Бутылки, кружки, вазы.
И лампа на столе с ажурной вязью,
И чей-то интригующий балкон...
И странно мне, что все это волнует,
И сердце, и мысли начинает беречь.
Поехать бы куда-нибудь!
Ну хоть подруге самой близкой позвонить.

РАССКАЗЫ

Полнолуние

Сегодня день полнолуния.

Сейчас разовью свои фантазии и начну все подготавливать. Может быть, впервые я буду отмечать праздник полнолуния не одна. Я приглашаю тебя принять в этом участие.

Я расставлю во всех комнатах маленькие свечечки в стаканы, фужеры, в вазочки. А еще у меня есть домик, может быть сделанный из гипса – он весь искритсся, будто выпилен из большого кусочка рафинада. В него, во внутрь, входит свечка – таблеточка и свет исходит наружу через окошечки, а дым через трубу. Еще есть ароматные палочки, а под них устанавливается изящная ладья цвета нефрита. Только надо почувствовать, как будут сочетаться запахи.

Все плотные шторы будут отодвинуты, может быть захочется оставить на окнах тюль. Помню, как в родительском доме в лунные ночи отпечатывались на полу узоры от тюлевых занавесок – и это загадочно волновало.

Может быть мы поставим тихо музыку без слов. У меня есть специальная подборка мелодий на аудиокассете под названием «Полнолуние». Мы будем пить вино Шардане медленно, маленькими глоточками, перемежая его с маслинами и сыром, порезанный соломкой. Мы не будем есть жаренное мясо или салаты с луком и чесноком. Мы не будем сидеть за столом, мы будем прогуливаться по дому, присаживаясь куда угодно, на подоконник, на диванчик, на ковер. Да, еще я забыла - на закуску можно взять яблоки и виноград, яблоки вызрели до 230 г. весом и очень вкусные – правда, я не любитель – но знакомые хвалят и припрашивают. Виноград остался только зеленый, черный уже отошел.

Уже темнеет, высветилась заря по горизонту и к нашей радости, после обеда закончился дождь, небо очистилось от муты и облаков, и ничто не помешает Земле и Луне отметить

сияющую ночь полнолуния.

В столовой уже смутно поблескивают переплеты оконных рам, на северной стене нарисовались лунные окна. Луна поднялась над горизонтом, она проплывает вокруг дома бесстрастно и загадочно высвечивая мои окна. Самое магическое состояние будет, когда она одновременно будет смотреть в три южных окна и четыре западных.

Ну вот! Я так расфантазировалась, что у меня началась внутренняя дрожь после того как я представила, что разговаривать мы будем тихо, почти шепотом ... А самое трудное представить, как будут сочетаться наши ауры, наши запахи, голоса – не оттолкнутся ли? Конечно, лучше представить, что все будет нежно и трогательно, и доверительно.

Я расскажу тебе, как однажды мы с моей собакой в лунную полночь ушли в лес. И он оказался таким незнакомым, будто деревья в два раза выше, из-за четких теней он казался гуще. Шелест листьев звучал загадочным шепотом. К тому же моя простодушная собака то и дело ныряла в темноту, бросая меня одну. В конце концов по макушке начали покалывать мурашки, грудь мою заглодело и мы бросились ближе к деревне, ближе к домам в привычный мир.

Рябиновый праздник

Мы сгребаем в саду осенние листья желтые, медовые, багряные, лимонные...

Порывы ветра играют с нами, подхватывают листья и кидают нам в лицо.

Ты сердисься, я смеюсь...

Ты протягиваешь мне что-то в руках, ветер налетает на тебя и выхватывает из твоих рук большее полотнище шелка, которые сплошь состоит из листьев медово янтарного цвета – все это трепещет на ветру и золотом блестит

на солнце.

*Я пытаюсь потрогать, погладить
ткань – но все почему-то куда-то поплы-
ло ...*

И вдруг стало тихо и темно.

Оказывается - это был только сон.

Поднявшись рано утром, ты мне сказал: - Смотри, какое чистое небо – нам нужно не упустить этот день - и куда-то умчался на машине.

Я понимала, о чем идет речь, и принялась за дела.

Вскоре ты привез целый багажник рябиновых веток с тяжелыми гроздьями. Мы заносим все это в дом, точнее в нашу просторную гостиную с большими окнами, до пола обращенными на юг, с высоким потолком. Наша комната приспособлена для любых экспериментов – под потолком закреплены деревянные балки, напротив окон стоят деревянные колонны.

Быстро сплетаем рябиновые гирлянды, подвешиваем их к балкам в форме фестонов, а так же возле колонн от пола до потолка - благо для этого у нас все есть – веревки, ремешки, крючки. Ты приносишь из сада охапку можжевельных веток, так как они в своем неистовстве постоянно норовят подмять под себя картины рябчиков. Мы подвешиваем их к деревянным колоннам, раскладываем возле диванов. Кусок шелковой ткани, которую ты подарил мне во сне, мы закрепляем над диваном на стене в виде восточного шатра – это совершенно не трудно и не сложно, тем более, если все это делается вместе.

Наша любимая собака – колли – этот сгусток любви – счастья – радости – ласки, вьется под ногами в возбужденном трепете, вздрагивает своим шикарным желто-белым хвостом.

Я приношу из кладовой специально сделанный на заказ сервиз из хохломы, в большие чашки – вазы укладываю виноград всех цветов, гранаты, груши, абрикосы; открываю туясок с медом, выкладываю орехи, готовлю салаты.

Ты же занимаешься на кухне приготовлением крошона и следишь за большущим куском баранины и несколькими

рыбками судака, которые отвариваются каждый в своем бульоне в своих невероятных приправах.

На барной стойке у западной стены мы ставим все для закусок. Кастрюлю – красивую серебристую, пузатенькую с готовым мясом мы ставим на специальную подставку, в которой горит маленькая спиртовка; крюшонницу с густым вишнево-красным напитком, все приборы, сигареты, пепельницы.

Мы переодевается в удобные расслабляющие одежды; нечаянно ты запинаешься за поднос с горой яблок – и это явилось завещающим штрихом: они раскатываются между брошенных на пол подушек, валиков, по белой козлиной шкуре возле дивана.

Когда солнце начинает завладевать нашей комнатой, мы слышим мягкий звук подъехавшей машины – друзья наши не опоздали.

Мы обнимаемся, целуемся счастливые и красивые под повизгивание своей собаки, одеваем себе на головы венки из рябины, делаем фото на память и приступаем (да мы, собственно уже с утра приступили ...) к празднованию дня рябиновых гроздьев.

*Время - здесь и сейчас
День – яркий солнечный осенний
Год – нынче и каждый последующий.*

Здравствуй и прощай

*Мерцающий в тумане Волопас
Не нас посетит под звездами своими
Нам не вписаться в гармоничный ряд.
А. М. Городницкий*

На краешке большой поляны возле леса стоял красивый домик. Вокруг домика был сад с чудесными растениями. Жила

в домике добрая волшебница.

Однажды к ее ногам упало золотистое зернышко - за низкой оградкой сада она увидела прохожего. Он был в больших башмаках, клетчатых штанишках, потертой бархатной курточке с седой растрепанной шевелюрой и сачком на плече. Прохожий слегка улыбнулся и ушел восвояси.

И никто не сказал – «Здравствуй!»

А волшебница долго смотрела ему вслед.

У волшебницы было четыре сестры. Весна, Лето, Осень, Зима. Они появлялись ниоткуда и уходили в никуда. Появилась Весна, покружилась и потанцевала вокруг зернышка – оно пустило корни и веселые стебельки.

Появилась сестра Лето, коснулась стебельков руками и на них стали набухать бутоны и распускаться цветки. Запела песню сестра Осень и на месте цветков стали появляться светящиеся сиреневые плоды. Куст разрастался, он стал высоким и широким, листья сияли как изумруды, он весь источал чарующий аромат.

Когда волшебница подходила, он тянулся к ней своими ветками, чаровал ее своим музыкальным лепетом. Волшебница воспаряла над кустом, ее душа купалась в небе. Голубые, бирюзовые, сиреневые, розовые волны окутывали ее, ласкали ее то теплом, то прохладой, то влажною росой. Она слышала нежные перезвоны, видела волшебные замки из драгоценных камней, построенные в облаках и на песке. Пред ней простирались необъятные пространства.

Счастливая, она возвращалась к себе на землю, в свой сад. Как только на волшебном кусте созрел очередной плод, на тропинке неизменно появлялся прохожий. Волшебница бросала ему плод, он ловко подставлял сачок и молча удалялся.

Так происходило неизвестно сколько, потому что в волшебном саду не было времени. И тем не менее любому волшебству приходит конец. Появилась сестра Зима, коснулась куста белой кисеей. Листья начали увядать, цветы больше не распускались.

Когда созрел последний плод, волшебница так же бросила

его в сачок знакомому прохожему, и он молча ушел свои дорогой, так и оставшись только прохожим.

И волшебница не смотрела ему вслед.

И никто не сказал «Прощай!»

Хорошо, что я не умею читать твои мысли.

Тихо сам с собою

Большой просторный зал. Высокий потолок. Чисто. Светло.

Немногочисленные посетители говорят негромко и может даже это большое пространство понуждает их немного приутихнуть или даже вызвать некую бессознательную оторопь.

Я занимаю очередь в окошко, самое дальнее от входа. Хоть нас сравнительно немного, кажется, очередь совсем не движется. Кто-то тихонько вздыхает «Ну как же долго...»

Я оглядываюсь, ни к кому конкретно не обращаясь, говорю: «Давайте вспоминать стихи».

Через некоторую паузу голос сзади как бы чисто для себя: «Стихи ..., а если их не знаешь».

Оглядываюсь: «Ну как ездили в лес за ягодами»

Какая милая женщина. Как хорошо сложена, хороший рост, ни толстая, ни худая, пышные русые волосы, обаятельное лицо. Ее наверное очень любят ее дети. Хорошо если б еще муж был понимающий. Ну, если он есть, конечно.

От входа вальяжно идет дама ... Какая шуба! Цигейка! Ты что! Какая цигейка – мутон высшей пробы. По подолу орнамент. Интересно, как его делают, или прокрашивают готовое изделие, или сшивают лоскуты разного цвета? Вся в шоколадных тонах. А лицо! Да это же типаж Тулуз Лотрека. Будто только с сеансов. А губы с темно-лиловой помадой только подчеркивают и укрупняют контуры рта – мягко, скажем, далеко не изысканны. Хоть бы она сняла с головы капюшон, он, расширя-

ясь на плечах, акцентирует внимание на невыигрышных чертах лица. Дама приближается, наплывает флер дорогих духов. Вот и кожа крупно пористая и макияж не смог это скрыть. Цвет кожи явно усилен загаром. Интересно, в какой точке глобуса она загорает? Изысканные духи создают ощущение дорогой женщины, нет, лучше сказать – богатой, так как слово «дорогой» может иметь двоякий смысл.

За столом появляется пара, не молодая и не старая. Они будто запыхались и выпотели. Он стоит, она сидя пытается разобраться с какими то бумажками. По тому, как они озираются - они здесь, отнюдь, не частые посетители. Наверняка из деревни. На нем зашарканный полушубок. У нее шапка как острый конус, цвет неопределенный и вид, будто она ею солому сметает. Шапка вместе с лицом создают форму бухарской дыни.

В еде себя явно не ограничивают. Наверное держат большое хозяйство. И это хорошо, молодцы! Может хотят платить по кредитам. Хотя я не знаю - может такие платежи только в банках.

Детей наверное много, и это даже завидно. Хотя они наверное не стесняются с ними в выражениях. Но может это никому не больно. Судя по цвету лица, она рыжая, белотелая, к тому же крупная, как кустодиевская купчиха. Хорошо бы у нее были длинные волосы - рыжие, или точнее золотые, во всю спину, как у Пластова (на картинках).

А там ... Какой цвет! Действительно и черный цвет имеет множество цветов-оттенков. «Как денди лондонский одет». Изысканная стрижка. Шатен. О, господи! – Да это же наш знакомый.

Меня внезапно очень заинтересовывает стеллаж с открытками. Я его начинаю бессмысленно разглядывать, к залу повернувшись практически спиной. Да, дорогая, уж точно ты не царского роду. Да, ладно. Ну, о чем говорить? «Как дела?» О каких делах говорить? И не вспомню, когда я его видела последний раз.

Да и дела наши слишком разные.

Да и конечно – не царского роду... Украдкой поворачива-

юсь в зал, с облегчением вижу, что аристократичный господин уже у выхода.

Теряю интерес к открыткам.

Я уже почти у окошка. Моментами до меня доносится ореол тяжелого запаха - явно «дыня» ворошится под своим пальто. Мне повезло, что я не стою рядом с ней. Поди, еще не каждую неделю топят баню.

Доносится аромат богатой дамы – вот и она пошевелила своими плечами. Кто то опять ропщет, что очень медленно. «Наверное, принтер старый» - говорит лотрековская дама.

... Знает что такое принтер. Видимо в ее доме есть все – и компьютер и интернет. Да она еще не пенсионного возраста, может, и работа связана с аппаратурой, с электроникой.

Ну вот. Худенькая, бледенькая, скромненькая девочка, наконец, оформляет мои дела.

Нельзя сказать, что у меня уж очень хорошее настроение, но я вся в некоем бравом тоне.

С крыльца более выразительно смотрятся высокие ели, зеленая аллея, точнее сейчас серая.

Солнце высоко. Все припорошено свежим снежком. Все хорошо. Все хорошо и может даже прекрасно.

Лушка

Мягкое запашистое вымя, густое сладковатое молоко стекает по губам Лушки, она пытается поймать его языком.

Но язык плохо слушается и натывается на колючку жесткую шерсть ее морды. Забытие рассеивается. Рядом никого.

Серые сорные предосенние травы широкой замусоренной поляны шелестят вокруг.

Лушка понуро опускает голову, глаза закрываются и она вновь чувствует запах вымени и тепло материнского живота.

Но это солнце подогревает ей бок и сушит губы.

Лушка направляется к роднику, изливавшемуся из подошвы горы. Она осторожно пробирается сквозь деревянные

ящики, железные трубы, рваные мешки с вонючими порошками. По этим завалинам так же перетекает вода родника, но она здесь дурно пахнет, странно окрашена, с разводами и пятнами чего-то жирного. У самой горы вода чистая, холодная и странно булькает прямо в ноздри.

Напившись, Лушка вяло плетется дальше, ко входу в рудник. Рудник не работает и вход в него кое-как забит тяжелыми досками и бревнами. Лушка просовывает голову между досок, тяжело опирается на них. Из чрева горы резко тянет запахом камня, сыростью, прохладой и совершенно неповторимым сладким запахом преющей древесины. Все это вызывает в ней смутные картины. Она снова видит себя запряженной в рыдван с тяжелыми кусками то ли породы, то ли руды и рядом погонщика Никодимыча. Никодимыч шел чаще молча, но когда Лушке было особенно тяжело и упряжь обжигала тело, а ноги начинали дрожать от напряжения, именно в эти моменты он начинал орать и хлестать ее бичом. Лушка не помнит, когда она перестала бояться кнута и когда от резких ударов вместо страха по телу прокатывалась судорога, и болезненная и сладкая.

В промежутках между сменами лошадей держали в конюшне, поили, кормили. По утрам от Никодимыча сильно пахло чем то кислым и горьким, иногда он утыкался ей лбом в шею, плакал что-то бормоча, что-то приговаривая.

У Лушки не было ощущения времени, но потом когда-то пришла тишина, перестали крутиться, вертеться, лязгать машины; ворота конюшни больше никто не запирали. А Никодимыч, освободил Лушку от тяжелого рыдвана, повел ее к своей избушке с подслеповатыми окнами. Жизнь не стала такой тяжелой, ей было не хорошо и не плохо, восход сменялся ночью, после одной ночи приходила другая.

Но однажды маленькая сморщенная тетка с мокрыми глазами, положив ей руки на обвислый живот, проводила ее со двора. Она хлюпала носом, что-то приговаривала и махала рукой, чтобы Лушка уходила.

Лушка очнулась от воспоминаний, еще раз втянула дурманящий ее запах горы, запах рудника и снова поплелась к род-

нику.

Внезапно из дальнего осинника появились на поляне жеребец и три кобылы. Лушка узнала их, это были рудниковские лошади из той же конюшни. Она появилась и скрылась за стеной деревянного амбара. Когда лошади спустились к лежащему в низине озерку и их голоса растаяли, Лушка вышла из укрытия. Она даже не посмотрела им вслед.

Вот она оказалась в загоне возле бывшей конюшни, будто невзначай наткнулась на свой рыдван. От него тоже пахло горой, преющим деревом, Никодимычем.

Лушка встала между оглоблей, прижалась задом к рыдвану. Затихла. Будто задремала.

Все путалось: то теплое вымя матери, то Никодимыч с кнутом, то теплые штреки рудника. Вдруг свет от подслеповатой лампочки в кровле выработки начал усиливаться, становясь вся ярче и шире. Поваяло в ноздри забытым запахом свежей зелени, счастливого лета. Нежный ветер будто подхватил ее, понес над землей прямо в зарю.

Утром все было вокруг как всегда.

Но три большие черные птицы, покружившись в воздухе, опустились на землю. Они неспешно шагали, вытягивая шеи, озирались по сторонам и косились на лежавшую между оглоблей Лушку, на ее остекленевший глаз.

Мистерия

Как-то мои земляки договорились о поездке на озера и даже взяли меня с собой. Они семейная пара с друзьями –тоже семейной парой, то есть их четверо в одной крытой лодке, уговарили своего приятеля, чтобы он взял в свою лодку меня.

В пятницу, к концу рабочего дня разыгрался очень сильный ветер. Но ни у кого не было ни малейших колебаний – ехать и только ехать.

Когда мы все собрались на берегу заполярной реки, кругом все суетились, перекрикивались, тащили свои лодки из сейфов на

воду, гудели моторы. Казалось, все объаты одной страстью – скорее вперед, навстречу стихии.

Попутчик мой - точнее это я оказалась его попутчицей - был приземист, с обветренным изборожденным морщинами лицом и крупной головой с шевелюрой черных волос. На меня он не смотрел, никаких разговоров со мной не разговаривал, что меня очень как раз и устраивало.

Наступил момент, когда мы уже были на воде и взяли курс на восток. Мы плыли, а лодок становилось все больше и больше. Потом я увидела, что очень много лодок причалено к берегам, кругом возбужденные голоса, галдеж, смех. Оказалось, что все остановились в затоне, в узкой горловине, из которой был выход на просторы озер. Между затоном и озером стоял остров, на нем располагалась береговая служба, над зданием которой возвышался штандарт и на нем изображен запрещающий знак, а так же время, температура и баллы волнения на воде. Мне было интересно разглядывать эту совершенно незнакомую картину, массу людей почти в состоянии ажиотажа, некоторые разжигали костерки на берегу, было явно, что кое-кто уже подзакусил, подкрепился. Ветер бушует, время идет, люди «активно» ждут и, наконец, на штандарте появляется разрешающий знак.

Все тут же ринулись к причалу береговой службы, каждый владелец лодки записывал свой номер и количество пассажиров или точнее сказать участников плавания.

Поражало, с каким неистовством все стремились скорее-скорее вперед, а вода бушевала, била лодки в борт, все наперегонки дугой огибали остров, чтобы выйти лицом навстречу ветру.

Как там различить степень опасности бури - еще три минуты назад было нельзя, а теперь сразу можно.

Когда наша лодка, обогнув остров, вышла на простор, я пришла в ужас. Лодчонку встречная волна поднимала кверху носом, я думала: скачусь спиной через мотор в эту бездну. Затем она падала на воду с таким ударом, с таким хлопком, что мне казалось, будто днище уже точно раскололось на части.

Озираясь по сторонам, я понимала, что никаким способом спастись не удастся, в такой волне я захлебнусь моментально и до берегов не доплыть, если б даже было тихо. Всю меня сжимал и душил страх, и я закричала: «Я больше не могу! Давай помедленней!»

Мужичок как то сразу сбросил газ, но лодку начало раскручивать, разворачивать. Он крикнул: «Нельзя медленнее: волной накроет», - снова добавил газ. Я поняла – молчи и терпи, и крепче держись, чтоб не выбросило из лодки. При этом у нас не было спасательных жилетов, хотя они смогли бы помочь уже не мне, а может только поисковику – спасателю.

Сколько продолжался этот страх – совершенно не могу определить, страх держал в оцепенении.

Вот как бывает иногда – ты вьешься на кровати от боли, стонешь и подвываешь, глаза не видят от слез, скручиваешься в комок и теряешь всякое восприятие. И вдруг, неизвестно через какое время, ты понимаешь, что почти не шевелишься, и губы твои засохли и не издают ни звука, и в комнате не зелено – серый воздух, а прозрачный, и боль стала глухой и почти незаметной, и ты озираешься вокруг с недоверием.

Так и здесь, я вдруг поняла, что мы почти безопасно идем, что нос лодки подбрасывает еще лихо, но уже не то чтобы не страшно, а скорее безразлично.

Наши четверо друзей поджидали нас под прикрытием какого – то островка, мы все явно были обрадованы, что живы, что «проскочило». Мы наскоро поужинали, так как вся дорога занимала около семи часов, и они вновь умчались.

А солнце шло как будто вместе с нами по северному берегу, как бы едва-едва перекатываясь по пологим вершинам гор, и широкой светлой полосой соединялось с нашей лодкой. Я все пыталась запомнить, каким цветом подкрашиваются волны, где платина или серебро, где блики индиго или дистен, где молочно-серый перламутр.

Мы уже дошли до более высоких гор, солнце скрылось. Стало темно и тревожно. Лодок вокруг почти не осталось, они сворачивали каждая к своей цели.

Почти у всех заядлых рыбаков были где-то на берегу свои излюбленные места, свои домики, скрадки, обычно на несколько человек. Кто-то ходил к водопадам на хариуса, кто-то облюбовал острова, кто-то через узкую шиверу уходил на другие озера.

Северный берег озера резко менял свою конфигурацию и, почти под прямым углом приближаясь к южному, сужал озеро в три, а, может, и в четыре раза. Горловина этого пережатия обозначалась высокой скалой как сторожевым утесом.

Только мы приблизились к его отвесным стенам, как у нас кончился бензин. Вмиг стало тихо, вода за кормой перестала клубиться, мотор затих.

Поверхность воды гладкая, то черная, то темно-фиолетово-турмалиновая плавно качала нас в высоких гладких волнах. В небе стали видны звезды, звезды стали видны и внизу, все одинаково мерцающее темное и сверху и снизу.

Это вовсе не было похоже на сказку, это было великое в своей беспощадности и красоте небытие. Нечто более грандиозное, чем волшебство, холодящий душу космос. Не было земли, не было воды, не было неба – это была какая-то жутко заманивающая единая субстанция, что-то отдельное от всего привычного.

Меня охватил то ли ужас, то ли восторг, казалось, я слышу удары своего сердца. Жутким холодом скользнуло чувство – шагнуть за борт, но раздался голос: «Бери весло, совсем немного осталось, дойдем на веслах».

И мне казалось, что я веслом внедряюсь в какое-то живое лоно, в какой-то не для нас созданный мир. Сознание становилось каким-то смутным.

Потихоньку мы отодвинулись от скал, стало светлее, звезды стали бледнее. Впереди был виден костер – нас ждали на берегу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.....</i>	<i>5</i>
<i>Любовь Морозова.....</i>	<i>6</i>
<i>Тамара Симовских.....</i>	<i>16</i>
<i>Антонина Суима.....</i>	<i>25</i>
<i>Александра Цацына.....</i>	<i>43</i>
<i>Евгений Головин.....</i>	<i>48</i>
<i>Екатерина Иваненко.....</i>	<i>57</i>

